

РЕЛИГИОЗНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ КАК СРЕДСТВО ИХ ИСПРАВЛЕНИЯ

Рассматриваются достоинства и недостатки традиционных средств исправления осужденных, проводится анализ целесообразности участия осужденных в деятельности религиозных организаций; освещается специфика взаимодействия правовых, субкультурных, религиозных регуляторов поведения осужденного. Делается вывод о необходимости формирования у осужденных социально-активного поведения, связанного с внутренним убеждением, что достижимо посредством их участия в религиозной жизни.

Ключевые слова: правомерность; норма права; лишение свободы; церковь; верующий; субкультура.

Параллельно существующие системы государственного и религиозного регулирования общественных отношений могут действовать как в едином, так и в противоположных направлениях, формируя религиозно-нравственные установки личности, способствующие совершению общественно-полезных правомерных поступков либо развивающие иные, деструктивные для общества, но предписываемые религиозными нормами модели поведения. Особый интерес в этой связи вызывает вопрос влияния религиозных норм поведения на формирование правовых установок лиц, отбывающих уголовные наказания в Российской Федерации, что вызвано низким уровнем правосознания и правовой культуры рассматриваемой категории лиц, высокой степенью их мотивации на совершение действий противоправной направленности.

Специфика осуществления исправительного воздействия в отношении осужденных связана с наличием системы криминальной стратификации, действием в их среде криминальной субкультуры. Процесс перевоспитания осужденных организуется в неблагоприятной среде, поскольку осужденный, как лицо, представляющее общественную опасность и запущенное в социально-нравственном отношении, помещается в среду, характеризующуюся такими же антисоциальными признаками [1. С. 12]. Действительно, пенитенциарный социум оказывает существенное влияние на формирование правовых установок поведения личности. Как отмечал В. Франкл, узник фашистского лагеря «...не свободен от условий, но свободен занять позицию по отношению к ним. От него в пределах его ограничений зависит, сдастся ли он, уступит ли он условиям» [2. С. 6].

В зависимости от степени своей значимости в уголовном мире, своего авторитета осужденные подразделяются на множество категорий, каждая из которых обладает особым статусом, комплексом прав и обязанностей. Переход из одной социальной группы в другую существенно затруднен, в большинстве случаев возможен лишь «сверху вниз» за совершение поступков, недопустимых правилами поведения, установленными криминальным сообществом, например за сотрудничество с администрацией исправительного учреждения. В этой связи осуществление правового воспитания осужденных вступает в противоречие с внутригрупповыми правилами поведения, действующими в среде осужденных. Сотрудничество с администрацией исправительного учреждения автоматически понижает социальный статус осужденного.

Активное правомерное поведение осужденного, выгодное администрации (предупреждение о совершении правонарушений другими осужденными), является крайне невыгодным для него самого. Такое поведение расценивается как противоправное по отношению к правилам поведения, действующим в криминальном мире, за что предусматривается соответствующая ответственность со стороны других осужденных.

Иные, субъективные проблемы религиозного воспитания осужденных связаны с наличием системы их криминальной стратификации. В отличие от сотрудничества с администрацией исправительного учреждения, что является поведением, противоречащим криминальным нормам поведения, участие в деятельности религиозных организаций признается поведением допустимым, даже желательным. Об этом свидетельствует и религиозная направленность субкультурной уголовной атрибутики, выражающаяся в натальном изображении предметов культа (кресты, купола), исполнении песен на религиозную тематику.

Возвращаясь к рассмотренной выше классификации осужденных на лиц с высоким, средним и низким криминальным социальным статусом, следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Переход осужденных из одной страты в другую связан с совершением поступков, нарушающих правила поведения, установленные в криминальной среде. Эти нарушения могут носить как формальный, так и неформальный характер, т.е. могут выражаться в сотрудничестве с администрацией учреждения, передаче информации о готовящихся правонарушениях и т.п., или в формальном, зачастую неумышленном использовании вещей представителей низших групп заключенных, контакте с ними и т.п. В этой связи лица с низким криминальным социальным статусом могут избегать участия в религиозной жизни по причине боязни наступления в отношении них ответственности со стороны других осужденных за выполнение ими религиозных обрядов. Так, они могут опасаться взять благословение, не решаясь целовать руку у священника, предполагая, что их за это накажут обычные заключенные [3. С. 83, 84]. Таким образом, опосредованный контакт осужденного через представителя религиозной организации с лицом, обладающим низшим статусом в криминальной среде, может негативно отразиться на его личном положении в обществе заключенных.

Процесс формирования правовых установок личности в отношении лиц, отбывающих уголовные

наказания в виде лишения свободы, осложняется необходимостью ликвидации отрицательной мотивации и лишь последующим формированием мотивов поведения правомерного. Ю.В. Гербеев [4. С. 121, 122] писал по этому поводу, что процесс перевоспитания осужденных, формированию устойчивых нравственных основ их поведения мешает устойчивый негативный стереотип поведения в преступной среде, порой преобладающий над человеческими убеждениями и чувствами. Особенность положения осужденных заключается в том, что совершение противоправных поступков для них в подавляющем большинстве случаев является привычным, обыденным. Таким образом, воспитательная функция права, действующая в отношении граждан, ведущих себя правомерно и неправомерно, имеет несколько различные цели: применительно к первым – формирование правомерного поведения более высокого порядка (из конформистского, маргинального – привычное или социально активное), по отношению к последним – формирование правомерного поведения хотя бы минимального уровня (из неправомерного – конформистское или маргинальное). В этой связи даже социально бесполезное, но соответствующее предписаниям норм права поведение осужденных, может служить высоким показателем динамики их исправления.

В настоящее время средства исправления, предусмотренные уголовно-исполнительным законом, преимущественно носят принудительный характер, вызывая тем самым сопротивление со стороны осужденных. При отсутствии аппарата принуждения на свободе существенно снижается возможность возложения ответственности за совершенное правонарушение, что влечет трансформацию правомерного маргинального поведения в поведение неправомерное. В стенах исправительного учреждения, в отношении осужденного действует мощный аппарат принуждения, направленный на сдерживание внешнего проявления его преступной активности, благодаря чему достигается относительно стабильный уровень соблюдения осужденными норм права. Однако такой положительный эффект в подавляющем большинстве случаев является результатом внешнего, а не внутреннего регулирования поведения осужденного, в связи с чем в большей степени характеризует продуктивность работы администрации учреждения, чем самих лиц, отбывающих наказание. В связи с этим он не может в полной мере характеризовать личность человека, определять степень его исправления.

После освобождения от отбывания наказания, вне исправительного учреждения существенно снижается контроль за поведением осужденного, а следовательно, и его страх ответственности перед наказанием. Зачастую после освобождения от отбывания наказания граждане попадают в криминогенную среду лиц, ведущих противоправный образ жизни, соглашательство с которым неизбежно приводит к формированию у них противоправной модели поведения. Оба эти обстоятельства обуславливают высокую степень риска перехода от маргинального и конформистского поведения к поведению противоправному. Можно сделать вывод, что отсутствие пенитенциарного ре-

цидива не всегда может в полной мере свидетельствовать об исправлении осужденного и гарантировать его правомерное поведение после отбытия наказания. Исправление не должно охватывать исключительно пенитенциарную сферу жизнедеятельности осужденного и проявляться лишь в недопущении пенитенциарного рецидива. Исправление осужденного должно заключаться в создании прочных, устойчивых мотивов несовершенности им преступления после отбытия наказания, вне зависимости от возможности наступления ответственности за его совершение. Требуется формировать у осужденных социально-активную модель правомерного поведения, основанную на внутренней убежденности лица в недопустимости совершения преступления. Иллюстративным в данном случае представляется следующий пример положительного воздействия религиозных норм на формирование правомерного поведения личности: человек, находящийся более двух лет в федеральном розыске за подделку ценных бумаг, уверовал в Бога, после чего решил покаяться и сообщил свой адрес правоохранительным органам. По сообщению управления внутренних дел, в письме послушник сообщил, что узнал о розыске случайно, после чего принял решение понести наказание за прошлые грехи. Свою вину он полностью признал [5. С. 4].

Принуждение как средство формирования у осужденных правомерного поведения в большинстве своем ориентировано на создание базового уровня поведенческой активности, связанного с воздержанием от совершения преступлений из страха наступления негативной юридической ответственности. Мотивы маргинального и конформистского поведения осужденных, связанные со страхом применения в отношении них наказаний либо соглашательством с поведением окружающих, трудно отнести к прочным, фундаментальным основам, препятствующим совершению противоправных деяний в дальнейшем. Они могут быть продуктивны в условиях пенитенциарного контроля и надзора со стороны администрации учреждения, исполняющего наказание, но перестают действовать после освобождения от отбывания наказания.

В диссертационном исследовании А.А. Синичкин [6] указывал, что отмечается снижение уровня пенитенциарного рецидива, в то время как среди лиц, условно-досрочно освободившихся из мест лишения свободы, наблюдается обратная динамика: резко увеличивается доля преступлений, совершенных данными лицами в период неотбытой части наказания. В подтверждение сказанному выше следует обратить внимание на данные статистики за январь – декабрь 2013 г., согласно которым почти половина преступлений (613 779, что составляет 49,6%) совершена лицами, ранее совершавшими преступления. В некоторых регионах этот показатель существенно превышает общероссийский. Так, например, в Кемеровской области он составил 64,7% [7].

В отличие от сотрудничества с администрацией исправительного учреждения, сотрудничество с представителями религиозных организаций не является предосудительным в криминальном мире. Религия является связующим звеном между криминальной и

правовой культурой лиц, находящихся в исправительных учреждениях.

По мнению Н.И. Вишневской [8], решающим направлением в борьбе с преступностью должны быть рост правовой культуры и правосознания граждан, активная деятельность социальных педагогов, специалистов по работе с осужденными. Это должны быть не надзиратели, а специально подготовленные люди, сочетающие в себе, отчасти, знания психологии, педагогики, юриспруденции и медицины [9]. Известнейший русский религиозный мыслитель В.С. Соловьев писал об этом следующее: «Первое и самое важное условие есть, конечно, то, чтобы во главе пенитенциарных учреждений стояли люди, способные к такой высокой и трудной задаче – лучшие из юристов, психиатров и лиц с религиозным призванием» [10. С. 405].

Особенность криминальной субкультуры обуславливают нюансы восприятия осужденными осуществляемых в отношении них мер воспитательного воздействия. Так, например, в отношениях с представителями администрации исправительного учреждения у осужденных возникает психологический барьер, препятствующий продуктивной реализации воспитательного процесса. Заместитель начальника колонии строгого режима г. Павловска отмечает: «...ведь и я говорю осужденным о том же: что нельзя преступать закон и так далее, но почему-то они батюшку иначе слушают...» [11. С. 20].

Традиционные средства исправления воспринимаются осужденными негативно, так как носят принудительный характер, религия же, в отличие от них, выступает буфером между осужденными и администрацией, религиозные идеи свойственны осужденным, положительно на них влияют [6]. Отмечается, что духовно-нравственная работа Церкви существенно дополняет, если не заменяет собой всю воспитательную службу учреждений, так как священнослужители и их помощники уделяют этому вопросу больше времени, чем администрация [3. С. 116, 117].

По мнению Т.И. Помыткиной [12. С. 5], ресоциализация и возвращение преступников к правомерному образу жизни немыслимы без духовно-нравственного перерождения их личности, осуществляемого при значительном влиянии религии в целом и религиозных организаций в частности. Религия, по верному замечанию автора, помогает человеку переосмыслить его жизненный путь и выработать законопослушность. В колониях верующие заключенные чаще, чем неверующие, смиряются со сроком наказания, стараются вести более мирную жизнь с окружающими заключенными и администрацией, добросовестно работают, не нарушая как правил распорядка колонии, так и внутренних тюремных правил [13]. Среди опрошенных осужденных, независимо от конфессиональной принадлежности или отсутствия таковой, 83% считают, что деятельность представителей религиозных конфессий положительно сказывается на морально-психологическом климате в учреждении исполнения наказания [14. С. 120].

Несмотря на провозглашение принципа свободы вероисповедания, следует избирательно подходить к

вопросу допущения различного рода псевдорелигиозных организаций, сект к работе по исправлению осужденных, так как деятельность многих из подобных организаций может привести к диаметрально противоположным последствиям. В этой связи А.В. Тонконогов [14. С. 82–88] писал, что учеными-пенитенциаристами было отмечено отрицательное влияние некоторых из подобных организаций на жизнедеятельность осужденных: практиковались коллективные пляски с самобичеванием, пророчествами, в результате которых осужденные впадали в состояние религиозного экстаза, теряя контроль над своими действиями. Криминальная форма сектантства зачастую проявляется в том, что адепты вопреки морально-этическим, нравственным и юридическим нормам совершают как мелкие правонарушения, так и преступления различной степени тяжести. Некоторые адепты сект (в том числе сатанистских) оказавшись в учреждениях уголовно-исполнительной системы, продолжают совершать ритуальные действия, предусмотренные соответствующими псевдорелигиозными нормами.

Таким образом, одинаковый подход ко всем религиозным конфессиям при решении вопроса о возможности их работы с осужденными представляется недопустимым.

Именно в условиях лишения свободы человек обращается к религии. Участие осужденных в деятельности религиозных организаций, в отличие от других, формально закрепленных средств исправления, имеет качественно иную мотивацию, не связанную с возможностью применения методов поощрения или принуждения со стороны администрации учреждения. Осужденные, принимающие участие в деятельности религиозных организаций исправительных учреждений, в большинстве своем руководствуются искренним желанием приобщения к христианским, исламским, буддистским и иным религиозным ценностям. Участие осужденных в деятельности религиозных организаций как средство формирования правомерного поведения не связано с применением насильственных мер принуждения, а следовательно, воспринимается осужденными положительно, на добровольной основе.

Деятельность религиозных организаций по исправлению осужденных, формированию у них основ правомерного поведения оказывает существенное положительное влияние на реализацию целей и задач уголовно-исполнительного законодательства. В результате взаимодействия религиозных организаций с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы у осужденных закладываются основы религиозной и правовой культуры, формируются устойчивые мотивы воздержания от совершения правонарушений как в период содержания в местах лишения свободы, так и после освобождения от отбывания наказания. Наряду с иными, предусмотренными законом средствами исправления деятельность религиозных организаций гармонично развивает и дополняет воспитательную работу педагогов и психологов, положительно отражается на процессах трудового и школьного образования, благоприятствует соблюдению осужденными требований режима от-

бывания наказания, является ненормативным, но формирования у них фундаментальных основ право-
действенным средством исправления осужденных, мерного поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М. : Юрид. лит., 1971. 136 с.
2. Дорошенко И.С., Панова О.Б., Фетисова Н.Е. Формирование эмпатийного поведения у осужденных за насильственные преступления: Практические рекомендации. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2012. 66 с.
3. Ходыкин И. Миссионерское служение в местах лишения свободы : дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2001. 184 с.
4. Педагогика и политико-воспитательная работа с осужденными : учеб. пособие / В.И. Акумов, Ю.В. Гербеев, В.Е. Гмурман, А.П. Евграфов и др. ; науч. ред. Ю.В. Гербеев. Рязань : Изд-во РВШ МВД РФ, 1985. 359 с.
5. Преступление и наказание // Миръ всемъ. 2007. № 8/56.
6. Синичкин А.А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары : Чебоксар. кооперат. ин-т Моск. ун-та потреб. кооперации, 2003. 260 с.
7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2013 года // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru/stat>
8. Вишневецкая Н.И. Исправление осужденных к лишению свободы: вопросы теории и практики: уголовно-исполнительный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2006. 181 с.
9. Миненко П.В. Исправление осужденных за преступления против общественной безопасности в целях предупреждения специального рецидива : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д : Краснодар. ун-т МВД России, 2009. 233 с.
10. Соловьев В.С. Оправдание добра / отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации ; Алгоритм, 2012. 656 с.
11. Подъемщикова О. Священник идет в заложники // Преступление и наказание. 1998. № 7.
12. Помыткина Т.И. Общественные организации и уголовно-исполнительная система России: историчность и перспективы сотрудничества : учеб. пособие. Новокузнецк : ФГОУ ВПО Кузбас. ин-т ФСИН России, 2010. 196 с.
13. Роль представителей Русской Православной Церкви в исправлении осужденных. URL: http://www.курская-епархия.рф/znamenskie_chteniy/2010/pdf/4/4_40.pdf
14. Тонконогов А.В. Пенитенциарная секталогия : учеб.-практ. пособие. М. : НИИ УИС Минюста России, 2004. 120 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 июня 2014 г.

RELIGIOUS BEHAVIOR OF CONVICTS AS A MEANS OF THEIR CORRECTION

Tomsk State University Journal. No. 387 (2014), 170-174. DOI: 10.17223/15617793/387/26

Morozov Alexey S. Kuzbass Institute of Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: morozovlalex@yandex.ru

Keywords: legitimacy; rule of law; imprisonment; church; believer; subculture.

Peculiarity of prisoners' correction is connected with the system of criminal stratification and norms of criminal subculture that exist in their environment: committing illegal acts for them is habitual, ordinary. Traditional means of correction are connected with the formation of non-criminal behavior on the verge of legitimacy and criminality – marginal or conformist lawful behavior. On the one hand, achievement of such objectives is a parameter of positive dynamics of the development of a person, on the other hand, it is a weak guarantee of the further lawful way of life of the prisoner after release. It is connected with the fact that outside of a penal institution there are no deterrents which do not allow the marginal behavior to transform into the illegal one, which causes a high level of post-penal recidivism. Correction should not cover exclusively the penal sphere of activity of the prisoner and be shown only in preventing penal recidivism. Correction of prisoners should consist in creation of strong, stable motives for not committing a crime after release, irrespectively from the chance of responsibility for its committing. It is required to shape the prisoner's socially-active model of the lawful behavior based on the internal conviction of the person in the inadmissibility of committing a crime. Thus, it is necessary to consider the fact that the motivation of behavior of prisoners with its external positivism can have a marginal, not socially-active character. Traditional means of correction are perceived negatively by prisoners because they have a forced character, religion acts as a buffer between prisoners and the administration, religious ideas are common for prisoners and influence them positively. Spiritual and moral work of the Church essentially supplements, if not replaces the educational service of penal institutions, for clergymen and their assistants give this question of more time than the administration does. Unlike cooperation with the administration of a penal institution, cooperation with representatives of religious organizations is not reprehensible in the criminal world. Religion is a connecting link between the criminal and legal cultures of prisoners. Unlike traditional means of correction (educational work, socially useful work, general education, vocational training and professional influence), participation of the convicted prisoner in the activity of religious organizations is directed on the formation of internal psychological orientations preventing further crimes not for the fear of responsibility, but from the comprehension of inadmissibility of such actions. This influence is directed on the formation of a socially-active lawful behavior described by the most advanced stage of the positive motivation of the person.

REFERENCES

1. Shmarov I.V. *Preduprezhdenie prestupleniy sredi osvobodivshisya ot nakazaniya* [Prevention of crime among released from punishment]. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1971. 136 p.
2. Doroshenko I.S., Panova O.B., Fetisova N.E. *Formirovanie empatiynogo povedeniya u osuzhdennykh za nasil'stvennye prestupleniya: Prakticheskie rekomendatsii* [Formation of empathy behavior of prisoners convicted for violent crimes: practical recommendations]. Vologda: VIPE FSIN Rossii Publ., 2012. 66 p.
3. Khodykin I. *Missionerskoe sluzhenie v mestakh lisheniya svobody*. Dis. kand. Bogosloviya [Missionary service in prisons. Theology Cand. Diss.]. Sergiev Posad, 2001. 184 p.
4. Gerbeev Yu.V. (ed.) *Pedagogika i politiko-vospitatel'naya rabota s osuzhdennymi* [Pedagogy and political-educational work with convicts]. Rязань: Izd-vo RVSh MVD RF Publ., 1985. 359 p.
5. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]. *Mir" vsem"*, 2007, no. 8/56.
6. Sinichkin A.A. *Otsenka stepeni ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody*. Dis. kand. yurid. nauk [Assessment of the degree of convicts' correction. Law Cand. Diss.]. Cheboksary, 2003. 260 p.

7. The official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. The state of crimes in Russia in January-December 2013. Available at: <http://genproc.gov.ru/stat>.
8. Vishnevskaya N.I. *Ispravlenie osuzhdennykh k lisheniyu svobody: voprosy teorii i praktiki: ugovno-ispolnitel'nyy aspekt*. Dis. kand. jurid. nauk [Correction of the sentenced to imprisonment: theory and practice: criminal executive aspect. Law Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2006. 181 p.
9. Minenko P.V. *Ispravlenie osuzhdennykh za prestupleniya protiv obshchestvennoy bezopasnosti v tselyakh preduprezhdeniya spetsial'nogo retsidiva*. Dis. kand. jurid. nauk [Correction of the convicted for crimes against public security in order to prevent special relapse. Law Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 233 p.
10. Solovyev V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the good]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii Publ.; Algoritm Publ., 2012. 656 p.
11. Pod"emshchikova O. Svyashchennik idet v zalozhniki [Priest goes hostage]. *Prestuplenie i nakazanie*, 1998, no. 7.
12. Pomytkina T.I. *Obshchestvennye organizatsii i ugovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: istorichnost' i perspektivy sotrudnichestva* [NGOs and the criminal-executive system of Russia: historicity and prospects for cooperation]. Novokuznetsk: Kuzbasskiy institut FSIN Rossii Publ., 2010. 196 p.
13. The role of the representatives of the Russian Orthodox Church in the correction of convicts. Available at: http://www.kurskaya-eparkhiya.rf/znamenskie_chteniy/2010/pdf/4/4_40.pdf. (In Russian).
14. Tonkonogov A.V. *Penitentsiarnaya sektalogiya* [Penitentiary sectology]. Moscow: NII UIS Minyusta Rossii Publ., 2004. 120 p.

Received: 24 June 2014